

Протоколы внесудебных инстанций как источник по изучению массовых операций 1937–1938 гг. в Казахской ССР

Альбина С. Жанбосинова¹, Наталья А. Потапова²

¹Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева, Астана, Казахстан

²Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия

¹sovetik@rambler.ru

²skna17talya@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

<https://orcid.org/0000-0001-8562-0310>

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-7255-2023-145-4-74-91>

Аннотация. В настоящей статье дается характеристика такого массового источника по изучению Большого террора, как решения внесудебных инстанций. В период 1937–1938 гг. органы НКВД проводили репрессии по трем основным направлениям, к числу которых относились «кулацкая» операция, серия «национальных» карательных акций, а также преследования в отношении нарушителей паспортного режима, уголовного и деклассифицированного элемента. Наделенные внесудебными полномочиями, чекисты самостоятельно приговаривали арестованных к различным мерам наказания, в том числе и к смертной казни. Внесудебные органы («кулацкая», милицейская, Особая тройка, Особое совещание при НКВД СССР, Комиссия НКВД и Прокурора СССР), созданные для вынесения и утверждения приговоров, свои репрессивные решения протоколировали. До настоящего времени доступ к таким видам источников затруднителен, однако протоколы содержат богатый материал для изучения массовых операций. Исследователям данной статьи удалось собрать решения внесудебных инстанций по Казахской ССР, отложившихся в российских и казахстанских архивах. На их примере дается характеристика каждому из типов протоколов внесудебных инстанций, функционировавших в годы Большого террора. Делается вывод о том, что такой вид источников является важным материалом для изучения политического террора, так как детальная обработка данных позволяет делать выводы о масштабе репрессий, целевых категориях, механизмах проведения как на региональном, так и на союзном уровне, территориальных особенностях преследований.

Ключевые слова: Большой террор; внесудебные инстанции; источники и материалы; протоколы; анализ и характеристика.

Received 20.08.2023. Revised 10.09. 2023. Accepted 15.10. 2023. Available online 30.12.2023.

For citation:

Zhanbossinova A., Potapova N. Protocols of extra-judicial instances as a source for the study of mass operations of 1937-1938 in the Kazakh SSR // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2023. – Vol. 145. – No. 4. – P. 74-91. DOI: 10.32523/2616-7255-2023-145-4-74-91

Жанбосинова А., Потапова Н. Протоколы внесудебных инстанций как источник по изучению массовых операций 1937–1938 гг. в Казахской ССР // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2023. – Т. 145. – No.4. – С. 74-91. DOI: 10.32523/2616-7255-2023-145-4-74-91

Введение

История политических репрессий в Казахской ССР за последние несколько лет приобрела определенные исследовательские контуры, что вполне объясняется деятельностью Государственной комиссии по реабилитации, созданной по инициативе Президента Казахстана К. Токаева. Современный интерес исследователей и общественности к теме репрессий на текущем этапе обусловлен «архивной революцией» в Казахстане. Ранее засекреченные фонды Специальных государственных архивов КНБ РК, МВД РК подверглись активному рассекречиванию постоянно действующими комиссиями (ПДК). Столь массовое открытие как специальных, так и государственных архивных фондов привело к введению в научный оборот значительного количества новых источников, вызвав небывалый ажиотаж не только среди ученого мира, но и казахстанского сообщества, в какой-то степени далекой от научных исследований.

Актуальность представленной темы заключается в том, что аналитический обзор содержания документооборота специальных ведомственных органов, обеспечивавших реализацию репрессивной политики в Казахской ССР, не становился объектом и предметом научного интереса.

Цель авторского исследования заключается в анализе выявленных документов Большого террора, а именно рассмотрение протоколов заседаний внесудебных инстанций как источника массовых операций 1937–1938 гг.

Степень изученности темы

В конце 1960-х гг. было опубликовано исследование британского историка Р. Конквеста, который впервые ввел термин «Большой террор» для обозначения советских карательных акций 1937–1938 гг. Он полагал, что именно этот период стал апогеем репрессий по числу осужденных (Конквест, 1991). К настоящему времени историография добилась значительных результатов в изучении истории политических репрессий, в том числе и благодаря расширению источниковой базы за счет делопроизводственной документации спецслужб. События 1937–1938 гг. – это спланированная и подготовленная акция, направленная на физическое уничтожение «врагов» советской системы, промаркированных в период 1920–1930-х гг. Именно поэтому массовые операции 1937–1938 гг. можно рассматривать как завершающий этап борьбы с «антисоветскими элементами». К этому времени не только определились целевые группы, но и был отработан механизм карательных кампаний. Массовые операции имели определенные временные рамки, утверждённые лимиты на число подлежащих арестам, отличались быстрым осуждением значительного количества людей в упрощённом порядке с помощью разветвленной сети внесудебных инстанций, которая и обеспечивала массовость террора. Деятельность внесудебных инстанций регулировалась специальными директивными документами, издаваемыми или непосредственно перед началом операции, или уже в ходе ее проведения.

Большой террор составляли три крупные операции. Первая сотрудниками НКВД была обозначена как «кулацкая» и была проведена по приказу НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. Ее острие было направлено против бывших «кулаков», уголовников и других так называемых антисоветских элементов. Вторую составили так называемые «национальные» операции, в ее фокусе оказались иностранцы, проживавшие на территории СССР, а третья была направлена против нарушителей паспортного режима, уголовного деклассированного элемента.

Историография истории Большого террора впечатляет опубликованными документальными сборниками и исследовательскими разработками, имеющими региональный характер (Биннер, Юнге, 2003; 2008; Сталинизм..., 2009; Массовые, 2009; Через трупы..., 2010; Большой ..., 2014). Особое место занимает концепция этнизации террора, озвученная в исследованиях И. Баберовского, Т. Снайдера (Савин, 2012: 40–61). «Этнизация врага» – обвинение во враждебной деятельности выдвигалось в отношении ряда этносов,

получивших отражение в названиях «национальных» операций (Slezkine, 1994: 414-452.; Петров & Рогинский, 1997а; 1997б: 22-43; Охотин & Рогинский, 1999; Наказанный народ..., 1999: 35–74; Martin, 2001.; Джуха, 2006; Жанбосинова, Потапова, 2019; Жанбосинова и др., 2020; Потапова, 2020).

Изучение Большого террора в Казахстане началось сравнительно поздно. Этому имеется несколько объяснений. В первую очередь внимание как казахских, так и зарубежных исследователей было приковано к катастрофе начала 1930-х годов, ставшей следствием большевистского эксперимента по седентаризации казахов-кочевников на землю и коллективизации скотоводческих хозяйств. За последние четверть века опубликован целый ряд монографий, сборников документов и статей, посвященных трагическим последствиям коллективизации в республике, в первую очередь массовому голоду. Поскольку, начиная со второй половины 1930-х годов, Казахстан стал местом этнической ссылки в СССР, казахские историки закономерно уделили много времени и сил изучению депортаций.

Изучение политических репрессий периода Большого террора в Казахстане шло в первые постсоветские десятилетия в значительной степени в рамках анализа репрессий против национальной государственной партийно-советской элиты. Массовые операции 1937–1938 гг. рассматривались лишь в общем контексте анализа репрессивной политики 1920–1950-х гг. Эта ситуация сохранялась вплоть до недавнего времени. Из публикаций на данном этапе развития казахстанской историографии наибольший интерес представляют исследования Д. Ш. Орынбаевой (Орынбаева, 1999), А. С. Жанбосиновой (Жанбосинова, 2010, 2019; 2020), а также ряд документальных изданий. Серьезным достижением казахской историографии стало монографическое исследование И. М. Козыбаева (Козыбаев, 2019). Несмотря на определенную очерковость и публицистичность изложения материала, автору удалось за счет привлечения обширного архивного материала, в первую очередь документов различных проверок и разбирательств, осуществлявшихся в 1939–1941 гг., о «перегибах» сотрудников НКВД Казахской ССР, реконструировать картину массовых операций НКВД в Казахстане.

Вместе с тем, исследовательская авторская тема прямо или косвенно озвучена в опубликованных сборниках материалов, посвященных Большому террору Р. Биннера и М. Юнге (Как террор, 2003; Вертикаль, 2008; Большевистский, 2015), где составителями сборников дан анализ протоколов внесудебных инстанций. Предложенная публикация раскрывает вопросы источниковедения Большого террора по Казахской ССР.

Результаты

В советской политико-административной системе институт внесудебности занимал особое место. Параллельно функционируя с судебными органами внесудебные институты осуществляли ускоренное и тайное судопроизводство, что давало возможность карательным органам в кратчайшие сроки, обходя формальные судебные процедуры, приговаривать к различным мерам наказания сотни, тысячи, десятки тысяч людей. Главной функцией таких органов было проведение массовых преследований в отношении «врагов советской власти». Поэтому этот феномен в России появился уже в 1918 г. с приходом большевиков к власти как средство сохранения захваченных политических позиций и олицетворял собой особый тип «революционной законности». Однако от созданного в период революционных событий инструмента удержания и сохранения политических позиций партия не отказалась даже после завершения Гражданской войны. Достигнув значительного развития, этот институт просуществовал в советском государстве до 1953 г. и был ликвидирован только после смерти И. Сталина.

Декрет СНК РСФСР «Социалистическое отечество в опасности» от 21 февраля 1918 г., подготовленный В. Лениным, наделял органы ВЧК монопольным правом на внесудебную расправу (Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии, 1958: 95–96.). Для реализации этой функции уже летом 1918 г. в структуре спецслужб создавался специальный орган, так называемая тройка, в состав которой входили Ф. Дзержинский,

В. Александрович и М. Лацис и их заместители — В. Фомин, И. Ильин и Я. Петерс (Мозохин, 2018: 4.). Полномочия нового института распространялись на «контрреволюционеров, шпионов, спекулянтов, громил, хулиганов, саботажников и прочих паразитов». Затяжной характер Гражданской войны привел не только к распространению внесудебных полномочий ВЧК, но и расширению социального состава жертв нового советского «суда». Уже к концу 1918 г. право приговаривать во внесудебном порядке к высшей мере наказания получили губернские, фронтовые, армейские и областные ЧК. Для вынесения расстрельных приговоров в отношении «врагов советской власти» в регионах так же, как и в Москве, создавались тройки. Однако следует учитывать, что в условиях Гражданской войны «революционное правосудие» вершила любая организованная группа сторонников советской власти, имевшая оружие. И как утверждает российский историк С. Папков, «процедуры дознания, судопроизводства и исполнения приговоров не расчленились; они были отданы в распоряжение органов «пролетарской диктатуры» и самостоятельно определялись в ревкомах, партячейках, отделениях милиции, губернских чека или отрядами Красной Армии» (Папков, 2012: 130). Появление в таких условиях троек можно рассматривать как этап систематизации и «наведения порядка» в большевистской карательной политике, что, в конечном счете, должно было привести к запуску процесса постепенной концентрации репрессивных функций в органах ВЧК, а главным образом в руках троек, которые для большей части арестованных выполняли функцию высшей судебной инстанции. После завершения Гражданской войны продолжался процесс становления и развития внесудебной системы в Советском государстве. Это процесс характеризовался расширением социальных групп и видов «преступлений», которые попадали под ведение внесудебных органов, появлением новых инстанций, наделением карательными функциями милиции, определением полномочий спецслужб и т.д.

Тройки как один из органов внесудебной системы просуществовали до ноября 1938 г. При этом его, вероятно, нельзя назвать постоянно действующим институтом, так как его функционирование было связано с проведением спецслужбами массовых операций, по окончании которых работа троек приостанавливалась. Как правило, перерывы в работе троек были кратковременными. С началом нового витка преследований этот институт реанимировался специальными правительственными постановлениями. Стоит отметить, что тройки, с большой вероятностью, представляли собой лишь региональные (местные) отделения единого внесудебного органа. Головным отделом троек являлось Особое совещание при ОГПУ (с 1935 г. – ОСО при НКВД), которое, помимо карательных функций, было наделено контролирующими полномочиями, что и придавало этому органу особый статус.

Кульминационного развития институт внесудебности достиг в период Большого террора. В 1937–1938 гг. органы НКВД параллельно проводили три массовые операции, а именно: «кулацкую» (Юнге, 2008), серию «национальных» акций и репрессии в отношении нарушителей паспортного режима, уголовных и деклассированных элементов. Для вынесения репрессивных решений для каждого направления действовали внесудебные инстанции, которые работали исключительно в рамках конкретного направления. Для проведения операции по приказу № 00447 от 30 июля 1937 г. реанимировались тройки, в ведении вновь созданной Комиссии НКВД и Прокурора СССР (двойка) (Потапова, 2020: 54–67) находились «национальные» линии (осенью 1938 г. полномочия по рассмотрению дел по «национальным» операциям были переданы Особым тройкам) и милицейские тройки занимались делами нарушителей паспортного режима, уголовных и деклассированных элементов. Особое совещание при НКВД СССР в период проведения Большого террора возглавляло всю созданную к этому времени внесудебную систему, а также было наделено репрессивными и контролирующими функциями. В целом институт внесудебности к началу массовых операций достиг значительного развития и представлял собой особую систему, подконтрольную НКВД, при этом правом внесудебного разбирательства обладал не только центральный аппарат, но региональные управления, а также милиция, хотя и под надзором чекистов.

В период массовых операций НКВД имел огромную, почти неограниченную власть, причем как центральный аппарат, так и местные отделы. На откуп чекистам был передан весь процесс следствия от ареста и до исполнения приговора, а сосредоточение в их руках внесудебных функций предавало репрессиям массовый характер. При этом широкой властью был наделен весь аппарат НКВД как региональный, так и центральный уровень, а сама внесудебная система представляла собой двухуровневую систему, так как и местные органы спецслужб, и центральный аппарат имели право внесудебного рассмотрения дел и вынесения карательных решений по ним. Республиканские, областные, краевые и т.д. управления, даже несмотря на постоянный контроль со стороны НКВД СССР, не были лишены карательной инициативы. Однако контроль над всей структурой осуществляло Политбюро ЦК ВКП(б), и оно же выступало зачинщиком репрессий, а также санкционировало все решения в этой области (Хаустов, Самуэльсон, 2010: 130).

К местным внесудебным инстанциям можно отнести «кулацкие», милицейские, особые тройки, а также так называемую двойку, состоящую из начальника регионального НКВД и местного прокурора. В их ведении находились только дела арестованных на подведомственной им территории (республика, область, край и т.д.). Комиссия НКВД и Прокурора СССР, а также ОСО, находившиеся в Москве, выносили приговоры задержанным по всей стране. Решения внесудебных инстанций протоколировались. Такие протоколы содержат богатые сведения о Большом терроре, которые позволяют реконструировать механизмы проведения массовых операций, их особенности, обозначить целевые категории репрессий, установить масштабы преследований и другое. Однако такой тип источников по-прежнему труднодоступен для историков, так как хранится чаще всего в ведомственных архивах. Данная статья характеризует протоколы внесудебных инстанций, отложившихся в российских и казахстанских фондохранилищах. Особенно ценно то, что авторам этого исследования удалось обработать массив протокольных решений по Казахстану по всем массовым операциям, реализованным в республике в 1937-1938 гг. Работа вводит в научный оборот не только ранее неизвестные документы, но и демонстрирует возможность использования такого вида источника для изучения такой многоаспектной темы как карательная политика Советского государства, которая включает в себя не только массовые операции, но и полномочия и деятельность НКВД, участие Политбюро в репрессиях и т.д.

С точки зрения изучения региональных особенностей Большого террора Казахстан вызывает особый интерес. Здесь наиболее интенсивно осуществлялись массовые операции НКВД. В репрессивной статистике чекистов Казахстан занимал третье место по численности жертв Большого террора, после РСФСР и Украины. За период проведения массовых операций в республике преследованиям подверглось около 50 тыс. человек. Местные чекисты проводили здесь «кулацкую» и «национальные» операции, а также карательную акцию в отношении нарушителей паспортного режима, уголовных и деклассированных элементов. Самой масштабной чисткой стали преследования по приказу № 00447 от 30 июля 1937 г.

Протоколы «кулацких» троек

Согласно «кулацкому» приказу в Казахской ССР создавалось восемь троек по числу областей, а именно: Северо-Казахстанская, Южно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Кустанайская, Восточно-Казахстанская, Актюбинская, Карагандинская, Алма-Атинская. Приказ НКВД СССР № 00447 определял и состав троек (Центральный архив Федеральной Службы Безопасности (далее ЦА ФСБ). Ф. 66. Оп. 5. Д. 2. Л. 171.). Как правило, тройка состояла из председателя и двух членов. Председателем состоял начальник управления НКВД области, а членами – первый секретарь обкома партии, председатель облисполкома. Иногда в отдельных областных протоколах указывались присутствующие, как например, на первом заседании тройки ВКО от 13 августа 1937 г. (Таблица №1) показаны заместитель наркома НКВД П.В. Володзько (Специальный государственный архив Восточно-Казахстанской области (далее СГА ДП ВКО). Ф. 19. Оп. 1. Д. 4485. Л. 1.), заместитель начальника УНКВД А.П. Узликов (СГА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4485. Л. 1.).

№ 1
ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ТРОЙКИ УНКВД ПО ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ
ОБЛАСТИ
От 13 августа 1937 г.

СОВ. СЕКРЕТНО

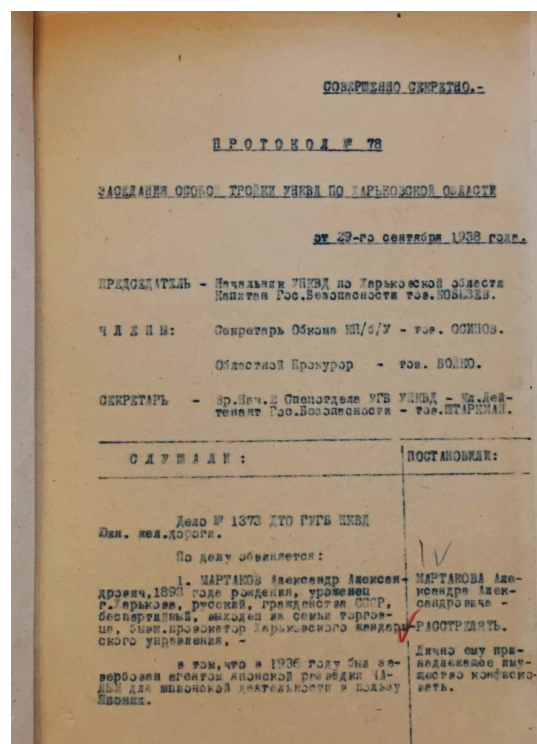
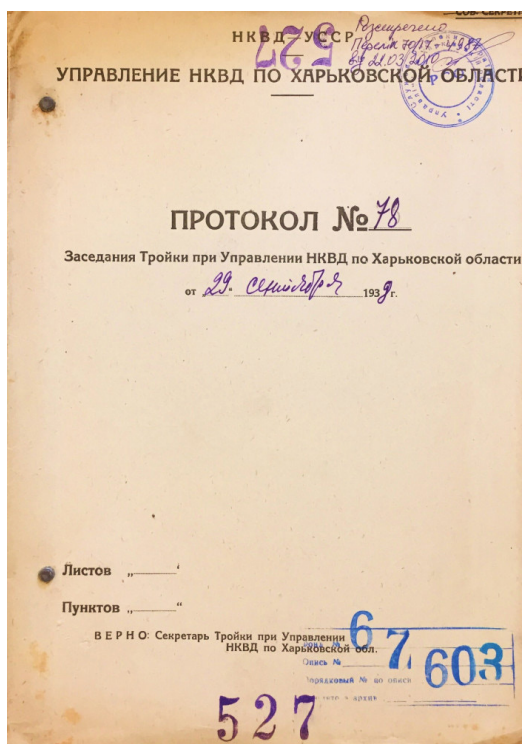
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ЧИРКОВ
ЧЛЕНЫ: СВЕРДЛОВ
БАЙМАГАМБЕТОВ
ПРИСУТСТВОВАЛИ: Зам. наркома внудел КССР, майор госуд.
безопасности – ВОЛОДЗЬКО
Зам. нач. УНКВД по ВКО, ст. лейтенант гос.
безопасности – тов. УЗЛИКОВ
СЕКРЕТАРЬ НЕУГОДОВ

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

Таблица №1
(СТА ДП ВКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4855. Л. 1.)

Для фотообразца нами использованы доступные в интернет-пространстве фотокопии протоколов тройки:

Фотография №1.

Об особых тройках. Окно доступа: <https://dedushka-stepan.livejournal.com/83501.html>.
Дата обращения 25.08.2023

Однако, как показал анализ решений этой внесудебной инстанции, составы троек не отличались постоянством, частые замены членов можно объяснить репрессиями в структуре НКВД.

Протоколы оформлены однотипно, шаблонно, имеют машинописный характер. Обязательным элементом протокола шел гриф «Сов. секретно», указывался номер протокола с областной локацией и персональными статусами присутствующих. Далее сведения об арестованных приводились в табличной форме. В левом столбце, под названием «СЛУШАЛИ», располагались краткие анкетные сведения о репресслируемом, такие, как фамилия, имя, отчество, сведения о дате и месте рождения, социальный статус (кулак, священнослужитель, эсер, белый и т.д.), наличие прошлых арестов, судимостей или репрессий и далее излагалась суть обвинения, имеющая шаблонные предложения, различимые лишь по географическим названиям и незначительным деталям. Кроме того, сведения на репресслируемых лиц приводились не рандомно, а в соответствии определенному порядку. Дела были скомплектованы по территориальному признаку в зависимости от того, какой район, отдел проводил арест и проводил следственные мероприятия. В конце такого блока приводилась информация о докладчике, как правило представителе районного отдела НКВД. В правом столбце «ПОСТАНОВИЛИ» указывался вынесенный приговор. В конце протокола повторялись сведения о председателе, членах и присутствующих на заседании, с их личными подписями, и закреплялись автографы печатью УНКВД.

Нумерация протоколов шла по возрастающей в течение 1937 г., следующий 1938 г. открывался новым номером протокола. Протоколы по своему объему были разными, иногда он составлялся на 1-2 человека, а в некоторых случаях содержал в себе десятки дел. Для указанных документов характерны проставленные галочки в графе «Постановили», вероятно, для статистики. Иногда встречаются рукописные пометы. Протоколы троек сопровождалась рабочими машинописными и рукописными документами от докладчиков, порой имевшими несколько расширенный формат данных по обвиняемым. В наличии присутствуют отдельные списки всех обвиняемых с указанием фамилии и инициалов, рассмотренных на текущем заседании тройки. Также имеются акты о приведении приговоров.

Данные протоколов дают обширный материал для изучения «кулацкой» операции. На их основании можно судить о численности репрессированных в республиканском и в областном масштабах. Кроме того, на их основании можно проследить динамику утверждения приговоров, проанализировать сменяемость состава областных троек, работу внесудебных областных органов, сосчитать количество приговоров по первой и второй категории, представить целевые категории жертв по областям с социально-демографическим анализом. Отметим, что в протоколах кулацких троек имеется осужденный уголовный элемент, включенный для выполнения запрошенных плановых лимитов. Докладывали по ним отделы УКРМ.

Протоколы милицейских троек (СГА ДП областей Казахстана)

В отличие от «кулацких» троек, которых на территории Казахской ССР было создано семь по числу областей, «милицейская» тройка до лета 1938 г. была одна и имела республиканское значение, т.е. рассматривала дела на лиц, арестованных по всему Казахстану. Однако в июне 1938 г. появились протоколы Алма-Атинской, Актюбинской, Восточно-Казахстанской, Кызыл-Ординской и Северо-Казахстанской областей. Состав тройки тоже отличался, он был многочисленнее. В нее входили республиканский народный комиссар (иногда его заместитель), начальник Управления милиции и начальник соответствующего отдела, чье дело разбиралось, а также прокурор и секретарь. Оформление протокола совпадало с «кулацкой» (Таблица №2). В шапке документа в правом верхнем углу отмечалось «Совершенно секретно», далее № протокола, дата заседания, фамилии председателя и членов, а также прокурора и секретаря. Далее вся информация приводилась в таблице, состоящей из двух столбцов «слушали», «постановили». Во второй колонке указывалась мера наказания, 1, 2, 3, 4 или 5 лет исправительно-трудовых лагерей с момента ареста. В столбце «слушали» за номером дела шло указание фамилии, имени и отчества арестованного, год и место рождения.

Следующая информация касалась социального статуса (происхождение и социальное положение на момент ареста), уровня образования, рода занятий (либо «без определенных занятий»), присутствие документа, удостоверяющего личность, наличия судимостей, арестов, приводов. Далее кратко излагался состав преступления, указывалось на признание обвиняемым вины и изобличение его преступных действий свидетельскими показаниями. После формулировки обвинения приводились сведения о дате ареста и месте содержания. В графе «постановили» указывался приговор с определением срока отсчета заключения. Протокол подписывался всеми членами и участниками заседания тройки. В июне 1938 г. после появления областных милицейских троек в шапку протокола вносились сведения об УНКВД. Следует отметить, что этот внесудебный орган не создавался для проведения массовых операций 1937–1938 гг., как, например, «кулацкая» тройка или Комиссия НКВД СССР. Он был рабочей инстанцией и непрерывно функционировал в преддверии Большого террора. Так, в Казахстане за два дня до начала массовых операций состоялось заседание этого органа, а затем был недельный перерыв, после которого тройка возобновляет свою работу. Нумерация протоколов была сквозной, за период террора тройка рассмотрела приговоры с № 221 по № 328, а далее с июня 1938 г. начинают заседания областные органы. Орган работал достаточно интенсивно, заседала тройка еженедельно и даже чаще, в один день могла проводить несколько заседаний. Протоколы по объему не были одинаковы, иногда тройка в ходе своей работы могла рассматривать дела на одного-два человека, а иногда – на несколько сотен человек.

ПРОТОКОЛ № 1

Заседания Тройки УНКВД Актюбинской области Казахской ССР
по внесудебному рассмотрению дел

СОВ. СЕКРЕТНО

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

Члены тройки:

Начальник УНКВД Актюбинской области ст. лейтенант
государствен. безопасности ТИТОВ

Начальник УРКМ УНКВД Актюбинской области мл.
лейтенант милиции ПЕШКОВ

Начальник ОУР УРКМ УНКВД Актюбинской области
мл. лейтенант милиции ДМИТРИЕВСКИЙ
И.о. обл. прокурора КУРМАШЕВ

ПРИСУТСТВОВАЛ:

г. Актюбинск

20 июня 1938 г.

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

.....

.....

Все обвиняемые вызывались на заседание и допрашивались Тройкой

Начальник УНКВД Актюбинской области
ст. лейтенант государствен. безопасности

ТИТОВ

Начальник УРКМ УНКВД Актюбинской
области мл. лейтенант милиции

ПЕШКОВ

Начальник ОУР УРКМ УНКВД Актюбинской
области мл. лейтенант милиции

ДМИТРИЕВСКИЙ

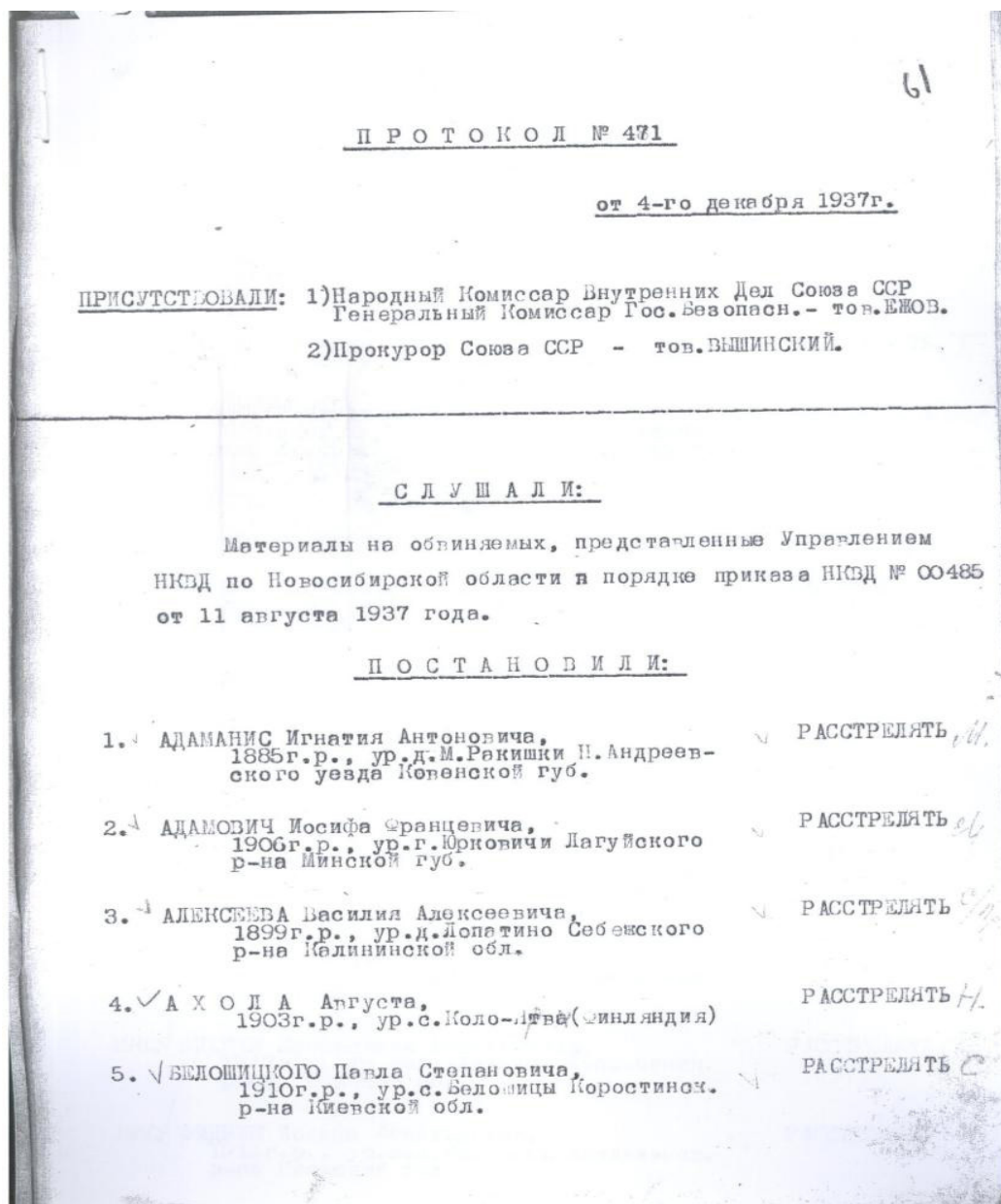
Таблица №2
(СГА ДП АО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 132. Л. 1.)

В целом протоколы милицейской тройки являются информативным источником, позволяющим судить о масштабах и особенностях «социальной чистки», проводившейся в 1937–1938 гг. в Казахстане.

Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР

Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР (для фотообразца нами использованы доступные в интернет-пространстве фотокопии протоколов Комиссии: Фотография №2, Таблица №3) составлялись в Москве на основании так называемых альбомных справок, которые поступали в столицу со всех регионов страны. В протоколах двойки обязательно указывался номер оперативного приказа, в рамках которого осуждались арестованные. Согласно протоколам двойки в Казахской ССР проводились «польская», «немецкая», «харбинская», «смешанная», «румынская», «иранская», «латышская», «финская», «эстонская», «греческая» (СГА ДП г. Алматы). Нумерация протоколов велась в рамках операции по каждому оперативному приказу и в валовом порядке по мере поступления материалов из республик, краев и областей. В территориальное управление НКВД, по материалам которого был составлен протокол, направлялись копии, заверенные подписью сотрудника ГУГБ и печатью НКВД СССР. Все протоколы однотипны. В них указан номер протокола, дата, должности и фамилии лиц, присутствовавших на заседании (нарком внутренних дел СССР и прокурор СССР или их заместители), далее идут вводная часть («слушали: материалы на обвиняемых, представленные ... (территориальный орган НКВД) в порядке приказа № от число»), постановляющая часть (список репрессированных и утвержденные приговоры), в конце протокола – должности и фамилии присутствовавших на заседании, а также печать НКВД СССР и подпись сотрудника для особых поручений восьмого отдела ГУГБ НКВД СССР С.И. Кремнева. Постановляющая часть протокола разбита на две колонки. Содержание левой колонки менялось на протяжении всего периода проведения «национальных» операций. До середины октября 1937 г. в протоколах указывали только фамилию, имя и отчество осужденного, после этой даты к анкетным сведениям репрессированного добавили год и место рождения, с середины мая 1938 г. – подданство. Справа, напротив фамилии каждого обвиняемого, указывали репрессивное решение (прописными буквами), в том числе: расстрелять, заключить в исправтрудлагерь на ... лет, дело доследовать, предать суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР, дело передать в суд и т.д. Содержание правой колонки тоже изменялось. До конца октября 1937 г. вместо «исправтрудлагерь» указывалось «заключить в концлагерь». Следует обратить внимание, что нами были изучены как протоколы, направленные после их утверждения в регионы, т.е. копии (СГА ДП МВД РК), так и оригиналы (УФСБ по Омской области. Ф. 6. Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР), оставшиеся в центральном аппарате НКВД СССР. Разница между ними существует, и выражается она в рукописных пометках, которые имеются только в протоколах, хранящихся в региональных ведомственных и государственных архивах. Чаще всего вписано полностью или сокращенно место жительства осужденного на момент ареста, т.е. таким образом, определялось, кто проводил арест отдельно взятого человека (областной или районный отдел НКВД). В некоторых случаях указывалась национальность осужденного. Иногда, когда Комиссия НКВД и Прокурора СССР не выносила приговор, в копиях протоколов указывалась дальнейшая судьба арестованного (дело прекращено, осужден другим органом, умер, выслан из страны и т.д.). Кроме того, подлинники протоколов подписаны наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым и прокурором СССР А.Я. Вышинским.

Фотография №2

Расследование сталинских репрессий в Тайгинском районе Западно-Сибирского края 1920-1953 гг. // Окно доступа: <https://myisk.net/2019/09/14/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB-%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%BD%D0%BA%D0%B2%D0%B4-%D1%81%D1%81%D1%81%D1%80-%E2%84%96471-%D0%BE%D1%82-4-12-37-%D0%B3-%D0%BF/> (дата обращения 25.08.2023)

Всего Комиссия НКВД и Прокурора СССР утвердила 89 протоколов по Казахстану. Первое решение по республике было подписано 4 октября 1937 г. по «польской» операции, а последнее – 31 октября 1938 г. После 5 сентября 1938 г. двойка уже не утверждала протоколы, однако занималась пересмотрами. Следует отметить, что кроме протоколов, утверждающих репрессивные решения, имели место пересмотры. Такие решения обозначались в соответствии с номером протокола, где требовались изменения, а рядом ставилась строчная буква «а». Такой вид решений составлялся на одного-двух человек, и

как правило изменял меру наказания на более легкую. Анализ решений двойки показал, что на Комиссию НКВД и Прокурора СССР из Казахстана поступали дела не только от НКВД КССР, но и от ДТО Туркестано-Сибирской железной дороги.

№ 5
Протокол Комиссии НКВД и Прокурора СССР
№ 78 по «польской» операции

ПРОТОКОЛ № 78

от 4 октября 1937 года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ:

1. Народный Комиссар Внутренних дел Союза ССР
Генеральный Комиссар Государственной Безопасности – тов. Ежов
2. Прокурор Союза ССР – тов. Вышинский.

СЛУШАЛИ:

Материалы на обвиняемых, представленные НКВД Казахской ССР в порядке приказа НКВД № 00485 от 11 августа 1937 года.

ПОСТАНОВИЛИ:

Таблица №3

(Архив Управления Федеральной Службы Безопасности по Омской области. Ф. 6. Пор. 8225. Л. 116–117)

Данные протоколов дают богатый материал для изучения «национальных» операций. На их основании можно судить не только о численности репрессированных в республиканском масштабе, но и в областном тоже. Кроме того, на их основании можно проследить динамику утверждения приговоров, работу Комиссии НКВД и Прокурора СССР, а также сосчитать количество приговоров о расстреле, лагерном заключении (от 3 до 10 лет), ссылке, высылке из страны, сколько дел было передано на исследование, на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда СССР, в военные трибуналы, суды, под гласный надзор. К протоколу прилагалась краткая справка-инструкция, которая обобщала статистические данные, а также указывала на ошибки, обнаруженные в «альбоме», в частности, неверное написание ФИО репрессированного, повторное включение уже осужденных лиц и т.д. В целом протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР в своей массе уникальный источник по изучению «национальных» операций Большого террора, позволяющий восстановить механизм обработки «альбомов» в Центральном аппарате НКВД СССР, технологию составления и утверждения протоколов Комиссии НКВД и Прокурора СССР, разграничить репрессивные полномочия «двойки» и Особого совещания при НКВД СССР. А изучение копий и оригиналов протоколов позволяет уточнить деятельность территориальных органов НКВД СССР.

Протоколы Особых троек

С сентября 1938 г. репрессивные решения по «национальным» операциям выносили Особые тройки согласно приказу НКВД СССР № 00606. Особые тройки были созданы не только в областях функционирования «кулацкой» (Северо-Казахстанская, Южно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Кустанайская, Восточно-Казахстанская, Актюбинская, Карагандинская, Алма-Атинская), но и во вновь появившихся в результате административно-территориальной реформы, а именно: Кызыл-Ординской, Гурьевской и Павлодарской областях. Увеличилось и число операций, добавились такие «национальные» карательные акции, как «английская», «румынская», «китайская», «болгарская», «афганская», «французская» и др. Количество линий, а также их направленность на те или иные социальные группы зависело от конкретной области.

В состав Особой тройки входили начальник УНКВД, первый секретарь обкома, и прокурор области (Таблица №4). Протоколы оформлены единообразно: номер протокола, дата заседания, состав тройки, справа – «слушали», слева – «постановили». В правой колонке указывали номер следственного дела, название местного отдела НКВД, оформившего дело, фамилию, имя и отчество обвиняемого, краткие биографические сведения, национальность, социальный статус, наличие судимостей и арестов, суть обвинения, признал себя виновным или отрицает свою вину, наличие изобличающих его показаний других обвиняемых или свидетелей, место временного содержания и дату ареста. В правой колонке прописывали утвержденный приговор. Протоколы заверены подписями председателя, членов и иногда секретаря Особой тройки. В протоколах имеются рукописные пометки. Иногда от руки подчеркнуты «компрометирующие» факты биографии обвиняемых («харбинец», китаец, кореец, служил в белой армии, раскулачен, казак, судим, перебежчик). Встречались протоколы, где напечатанный на машинке приговор был зачеркнут, а от руки вписана другая, более мягкая мера наказания. Последнее репрессивное решение соответствовало действительности.

ПРОТОКОЛ № 4
ЗАСЕДАНИЕ ТРОЙКИ ПО АЛМА-АТИНСКОЙ ОБЛАСТИ
от 16 ноября 1938 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИНИЯ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ТРОЙКИ
НАЧ. УНКВД ПО АЛМА-АТИНСКОЙ ОБЛАСТИ
КАПИТАН ГОС. БЕЗОПАСНОСТИ (ШАБАНОВ)
СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА КП(б)К (САДОВНИКОВ)
ЧЛЕНЫ:
ОБЛ. ПРОКУРОР (КАПАЛИНА)
СЕКРЕТАРЬ ТРОЙКИ
СТ. ИНСПЕКТОР 1 СПЕЦ.ОТДЕЛА НКВД (КОМАРОВ)

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

Таблица №4
(СГА ДП г. Алматы. Ф. 1. Оп. 1. Д. 328. Л. 14.)

Сравнительный анализ протоколов двойки и Особой тройки показал, что карательные полномочия последней были заметно уже, чем у Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Они могли приговаривать к расстрелу или лагерному заключению сроком до 10 лет, а также возвращать дела на доследование и выносить решения об освобождении обвиняемых из-под стражи. Принимать решения о депортации за пределы страны эта внесудебная инстанция не имела права.

Особое совещание при НКВД СССР

Оформление протоколов ОСО несколько отличалось от других подобных документов. Существует основной протокол, в котором приводилась информация о репрессированных по приказам НКВД, таких, как приказ № 00486 («Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины»), № 00693 («О перебежчиках») и др. (ЦА ФСБ. Ф. ОС. Оп. 1). Протоколы-дополнения, которых в некоторых случаях могло быть не один десяток, составлялись на репрессированных в рамках «национальных» операций, отдельный протокол-дополнение отводился на утверждение решений милицейской тройки. Протокол ОСО начинался с указания «совершенно секретно», затем следовал № протокола, дата заседания и перечислялись члены заседания с указанием их званий, должностей. Далее информация традиционно излагалась в табличной форме, «слушали»,

«постановили». В левой колонке «слушали» приводилась весьма скудная информация: № дела, регион, где было заведено дело, ФИО репрессируемого, год рождения и фамилия докладчика. В другой части таблицы повторялись фамилия, имя, отчество, обвинительное клеймо (опасный элемент, член семьи изменника родины, за шпионаж и многое другое), мера наказания, дата начала срока, а в самом конце пометка «дело сдать в архив».

СОВ.СЕКРЕТНО

Протокол № 18
ЗАСЕДАНИЯ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ
ПРИ НАРКОМЕ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
от 22 февраля 1938 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ЗАМ.НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

КОМКОР:

тов. ФРИНОВСКИЙ

ЗАМ.ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР:

тов. ЛЕПЛЕВСКИЙ

ОТВ.СЕКРЕТАРЬ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ

СТ.МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

тов. ЦЕСАРСКИЙ

Таблица №5

(ЦА ФСБ. Ф. ОС. Оп. 1. Пор. 21. Л. 1.)

Протоколы-дополнения по «национальным» операциям оформлялись подобным образом, за исключением пункта об обвинении. Кроме того, под каждым именем рукописной пометой указывался лагерь, вероятно, в который отправляли осужденного для отбывания наказания. В протоколах-дополнениях об утверждении решений милицейских троек в колонке «слушали» указывались сведения о месте, времени и № протокола, ниже приводились некоторые лица из конкретного протокола милицейской тройки и общее число людей в протоколе. В другой части таблицы приводилось решение ОСО об утверждении протокола или изменении приговора для некоторых лиц. В конце каждого протокола повторялся состав заседания Особого совещания с их автографами. В состав еще одного внесудебного органа входили замнарком внутренних дел, который являлся председателем Особого совещания, заместитель прокурора и начальник восьмого отдела ГУТБ НКВД СССР – по совместительству ответственный секретарь ОСО. Особое совещание при НКВД мог приговаривать к лагерному заключению от 3 до 10 лет, ссылке, высылке.

Выводы

В период Большого террора на территории Казахстана действовало несколько внесудебных инстанций, которые рассматривали дела в рамках четко определенной приказами НКВД СССР массовой операции. На областном уровне функционировали «кулацкие» тройки, а с осени 1938 г. – Особые. Кроме того, с июня 1938 г. в результате трансформации республиканской милицейской тройки появились областные отделения в Актюбинской, Восточно-Казахстанской, Кызыл-Ординской и Северо-Казахстанской областях. В республиканском масштабе до начала лета 1938 г. работала милицейская тройка и так называемая республиканская (местная) двойка, в состав которой входили начальник НКВД Казахской ССР и прокурор Казахстана. В общесоюзном масштабе функционировали Комиссия НКВД и Прокурора СССР, а также Особое совещание при НКВД СССР в Москве. Двойка рассматривала дела и утверждала приговоры по первой категории исключительно по «национальным» операциям. Особое совещание при НКВД СССР утверждало решения по второй категории для арестованных в рамках «национальных» карательных операций, а также контролировало деятельность милицейских троек. 17 ноября 1938 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о завершении массовых операций. Приказ НКВД СССР № 00762 «О порядке осуществления

постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б)» отменил все приказы, принятые НКВД в период проведения Большого террора, а также упразднил всю внесудебную систему областного, республиканского и др. значения, оставив только ОСО при НКВД СССР.

Материалы внесудебных инстанций периода Большого террора являются важным источником по изучению массовых операций как в масштабе всего СССР, так и в региональном. Данные протоколов дают богатый материал для изучения массовых операций в Казахстане. Они дают возможность говорить о численности жертв как в республиканском масштабе, так и в областном. Кроме того, помогают проследить динамику утверждения приговоров, работу внесудебных инстанций, проанализировать количество приговоров о расстреле, лагерном заключении (от 3 до 10 лет), ссылке, высылке и т.д. В целом протоколы в своей массе - уникальный источник по изучению Большого террора, позволяющий восстановить механизм репрессий, технологию составления и утверждения протоколов на разных уровнях, разграничить репрессивные полномочия. А изучение копий и оригиналов протоколов позволяет уточнить деятельность территориальных органов НКВД СССР. Кроме того, на их основании можно представить портрет репрессированных по каждой из массовой операции.

Благодарность:

Статья подготовлена в рамках реализации проекта АР14869089 «Вертикаль и горизонталь Большого террора: политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг.»

Список литературы

- Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001.
- Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. – Vol. 53. – No. 2 (Summer 1994). – P. 414-452.
- Биннер Р., Юнге М. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ №00447 и технология его исполнения. М., 2003.
- Большевистский порядок в Грузии. В 2-х томах. Том 1: Большой террор в маленькой кавказской республике / под редакцией М. Юнге, Б. Бонвеча, Д. Мюллера. М.: АИРО –XXI, 2015.
- Большой террор в Алтайском крае. 1937–1938 гг.: Реализация приказа НКВД № 00447 / Коллективная монография / Н.Н. Аблажей, И.А. Гридунова, Г.Д. Жданова, А.А. Колесников, Н.В. Куденко, В.Н. Разгон, А.И. Савин, А.Г. Тепляков, М. Юнге, Е.Р. Юсупова. Отв. редактор В.Н. Разгон. Барнаул: Азбука, 2014.
- Джуха И. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб, 2006.
- Жанбосинова А.С. Репрессивная политика Советского государства в 20-50-е годы XX века (на примере Восточного Казахстана): дисс... докт. ист. наук. 2010.
- Жанбосинова А.С., Потапова Н.А., Савин А.И. «Немецкая» операция в Казахской ССР (1937–1938 годы): к вопросу об этнической составляющей Большого террора // Новейшая история России. – 2020. – Т.10. – № 1. – С.119–135.
- Жанбосинова А.С., Потапова Н.А. Масштабы и региональные особенности «национальных» операций в Казахской ССР // Исторический курьер. – 2019. – № 1 (3). – Статья 9. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-09.pdf>
- Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. Сборник документов. М.: Госполитиздат, 1958. – 551 с.
- Козыбаев И. «Большой террор» в Казахстане. Алматы: «Раритет», 2019.
- Конквест Р. Большой террор. Рига, 1991. – 416 с.
- Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938. Приказ №00447 / Сост. Г. Жданова, В. Разгон, М. Юнге, Р. Биннер. М: РОССПЭН (серия «История сталинизма»), 2010.
- Мозохин О.Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918–1953 гг.). М.: Вече, 2018.
- Об особых тройках. URL: <https://dedushka-stepan.livejournal.com/83501.html>. (Дата обращения 25.08.2023).

Орынбаева Д.Ш. Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг.: Сравнительный анализ проблемы: дисс...канд. ист. наук. Алматы, 1999.

Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев / Редактор-сост. И.Л. Щербакова. М., 1999.

Папков С. А. Тройки ОГПУ–НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири. Новосибирск: Параллель, 2010. – С. 128–154.

Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Под ред. А.Э. Гурьянова. М., 1997.

Потапова Н.А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. Механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. СПб.: Издательство Алетейя, 2020. – 252 с.

Расследование сталинских репрессий в Тайгинском районе Западно-Сибирского края 1920–1953 гг. URL: <https://myisk.net/2019/09/14/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB-%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%BD%D0%BA%D0%B2%D0%B4-%D1%81%D1%81%D1%81%D1%80-%E2%84%96471-%D0%BE%D1%82-4-12-37-%D0%B3-%D0%BF/> (дата обращения 25.08.2023).

Савин А.И. Этнизация сталинизма? «Национальные» и «кулацкая» операции НКВД: сравнительный аспект // Россия. XXI. – 2012. – № 3. – С.40–61.

Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., РОССПЭН (серия «История сталинизма»), 2009.

«Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» на Украине. 1937–1938 гг. / Сост. М. Юнге, Р. Биннер, С.А. Кокин и др. В 2-х томах. М., 2010.

Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2010. – 432 с.

Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М., 2008.

Альбина С. Жанбосинова, Наталья А. Потапова

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Ресей Ғылым Академиясының Тарих институты, Новосибирск мемлекеттік экономика және басқару университеті, Новосибирск, Ресей

Қазақ КСР-дегі 1937–1938 жылдардағы жаппай операцияларды зерттеу көзі ретінде соттан тыс инстанциялардың хаттамалары

Аңдатпа. Бұл мақалада соттан тыс шешім ретінде Ұлы Террорды зерттеудің ауқымды көзі сипатталады. 1937–1938 жылдар аралығында. НКВД органдары қуғын-сүргінді үш негізгі бағытта жүргізді, оның ішінде «құлақ» операциясы, бірқатар «ұлттық» жазалау шаралары, сондай-ақ төлқұжат режимін бұзушыларға, қылмыстық және заңсыз элементтерге қарсы қудалау. Соттан тыс өкілеттіктерге ие болған қауіпсіздік қызметкерлері қамауға алынғандарды әртүрлі жазаларға, соның ішінде өлім жазасына өз бетінше үкім шығарды. Үкімді шығару және бекіту үшін құрылған соттан тыс органдар («құлақ», полиция, Арнайы үштік, КСРО НКВД-ның кезектен тыс мәжілісі, НКВД комиссиясы және КСРО прокуроры) олардың репрессиялық шешімдерін тіркеді. Осы уақытқа дейін көздердің бұл түрлеріне қол жеткізу қиын, бірақ оларда жаппай операцияларды зерттеуге арналған бай материалдар бар. Бұл мақаланы зерттеушілер Қазақ КСР-дегі соттан тыс инстанциялардың шешімдерін жинап, орыс және қазақ мұрағаттарына сақтауға қол жеткізді. Олардың мысалын пайдалана отырып, Ұлы террор жылдарында жұмыс істеген соттан тыс инстанциялар хаттамаларының әрбір түріне сипаттама беріледі. Дереккөздердің бұл түрі саяси террорды зерттеу үшін маңызды материал болып табылады, өйткені деректерді егжей-тегжейлі өңдеу қуғын-сүргін ауқымы, мақсатты категориялар, жүзеге асыру тетіктері, аймақтық және одақтық деңгейде де, аумақтық деңгейде де қорытынды жасауға мүмкіндік береді. қудалау ерекшеліктері.

Түйін сөздер: Үлкен террор; соттан тыс инстанциялар; дереккөздер мен материалдар; хаттамалар; талдау және сипаттама.

Albina S. Zhanbosinova, Natalia A. Potapova

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Institute of History SB RAS, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Protocols of extra-judicial instances as a source for the study of mass operations of 1937-1938 in the Kazakh SSR

Abstract. The article characterizes such a massive source for the study of the Great Terror as an extrajudicial decision. During the period 1937–1938. The NKVD authorities carried out repression in three main areas, which included the “kulak” operation, a series of “national” punitive actions, as well as prosecutions against violators of the passport regime, criminal and declassified elements. Endowed with extrajudicial powers, the security officers independently sentenced those arrested to various penalties, including the death penalty. Extrajudicial bodies (“kulak”, police, Special troika, Special meeting under the NKVD of the USSR, Commission of the NKVD and the Prosecutor of the USSR), created to pronounce and approve sentences, recorded their repressive decisions. Until now, access to these types of sources is difficult, but they contain rich material for the study of mass operations. The researchers of this article managed to collect decisions of extrajudicial instances in the Kazakh SSR, deposited in Russian and Kazakh archives. Using their example, a description is given of each type of extrajudicial protocols that functioned during the years of the Great Terror. It is concluded that this type of sources is important material for the study of political terror, since detailed data processing allows us to draw conclusions about the scale of repression, target categories, mechanisms of implementation, both at the regional and union levels, and territorial features of persecution.

Keywords: The Great Terror; extra-judicial instances; sources and materials; protocols; analysis and characterization.

References

Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* (Ithaca, 2001).

Slezkine Y. *The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism.* *Slavic Review.* 53(2), 414-452(Summer 1994).

Binner R., Iýnge M. *Kak Terror stal «Bolshim».* *Sekretnyi prikaz №00447 i tehnologiya ego ispolnennia* [How Terror became “Big”. Secret Order No. 00447 and the technology of its execution]. (M., 2003). [in Russian]

Bolshevistskii poriadok v Grýzii. V 2-h tomah [The Bolshevik order in Georgia. In 2 volumes. Volume 1: The Great Terror in the Little Caucasian Republic]. Tom 1: Bolshoi terror v malenкой kavkazskoy respýblike / pod redaktsiei M. Iýnge, B. Bonvecha, D. Mýllera. M.: AIRO –XXI, 2015. [in Russian]

Bolshoi terror v Altaiskom krae. 1937–1938 gg.: Realizatsiia prikaza NKVD [The Great Terror in the Altai Territory. 1937-1938: Implementation of the NKVD Order No. 00447]. *Kollektivnaya monografiya* [Collective monographe] N.N. Ablajei, I.A. Gridýnova, G.D. Jdanova, A.A. Kolesnikov, N.V. Kýdenko, V.N. Razgon, A.I. Savin, A.G. Tepliakov, M. Iýnge, E.R. Iýsýpova. Otv. redaktor V.N. Razgon. (Barnaýl: Azbýka, 2014). [in Russian]

Djýha I. *Grecheskaya operatsiia. Istoriya repressii protiv grekov v SSSR* [Greek operation. The history of repression against the Greeks in the USSR]. (SPb, 2006). [in Russian]

Zhanbosinova A.S. *Repressivnaya politika Sovetskogo gosýdarstva v 20 – 50-e gody HH veka (na primere Vostochnogo Kazakhstana)* [Repressive policy of the Soviet state in the 20-50s of the twentieth century (on the example of East Kazakhstan)]in Russian]: diss... dokt. ist. naýk. 2010. [in Russian]

Zhanbosinova A.S., Potapova N.A., Savin A.I. «Nemetskaya» operatsiia v Kazahskoy SSR (1937–1938 gody): k voprosý ob etnicheskoy sostavliayey Bolshogo terrora [“German” operation in the Kazakh SSR (1937-1938): on the issue of the ethnic component of the Great Terror]. *Noveishaya istoriya Rossii* [New history of Russia]. 10(1). 119–135(2020). [in Russian]

Janbosinova A.S., Potapova N.A. Masshtaby i regionalnye osobennosti «natsionalnyh» operatsii v Kazahskoi SSR [The scale and regional features of “national” operations in the Kazakh SSR]. Istoricheskii kúrier [Historical courier]. – 2019. – № 1 (3). – Statia 9. Available at: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-09.pdf> [in Russian]

Iz istorii Vserossiiskoi Chrezvychainoi komissii 1917–1921 gg. [From the history of the All-Russian Extraordinary Commission of 1917-1921.] Sbornik dokúmentov [collection of documents]. (M.: Gospolitizdat, 1958. 551) [in Russian]

Kozybaev I. «Bolshoi terror» v Kazahstane [The Great Terror in Kazakhstan]. (Almaty: «Raritet», 2019). [in Russian]

Konkvest R. Bolshoi terror. [The Great Terror.] (Riga, 1991. 416p.) [in Russian]

Massovye repressii v Altaiskom krae 1937–1938 [Mass repressions in the Altai Territory in 1937-1938.]. Prikaz №00447 / Sost. G. Jdanova, V. Razgon, M. Iynge, R.Binner. M: ROSSPEN (seriia «Istoriia stalinizma», 2010. [in Russian]

Mozhoin O.B. Repressii v tsifrah i dokúmentah. Deiatelnost organov VChK–OGPÝ–NKVD–MGB (1918 –1953 gg.) [Repression in figures and documents. Activities of the organs of the Cheka–OGPU–NKVD–MGB]. (Moscow, Veche, 2018). [in Russian]

Ob osobyyh troikah [About special threes.]. Available at: <https://dedushka-stepan.livejournal.com/83501.html>. Data obraeniia 25.08.2023. [in Russian]

Orynbaeva D.Sh. Politicheskie repressii v Kazahstane v 1937–1938 gg.: Sravnitelnyy analiz problemy: diss...kand. ist. Naýk [Political repressions in Kazakhstan in 1937-1938]. (Almaty, 1999). [in Russian]

Ohotin N., Roginskii A. Iz istorii «nemetskoii operatsii» NKVD 1937–1938 gg. [From the history of the “German operation” of the NKVD in 1937-1938]. Nakazannyi narod. Repressii protiv rossiiskih nemtsev [Punished people. Repressions against Russian Germans] (M., 1999). [in Russian]

Papkov S. A. Troiki OGPÝ–NKVD v Sibiri v stalinskiiy epohy (1925–1938 gg.) [Troika OGPU–NKVD in Siberia in the Stalin era (1925-1938)]. Vlast i obshestvo v Sibiri [power and society in Siberia]. (Novosibirsk: Parallel, 2010, 128–154.) [in Russian]

Petrov H.B., Roginskii A.B. Polskaia operatsiia NKVD 1937–1938 gg. [The Polish operation of the NKVD 1937-1938. Repressions against Poles and Polish citizens]. Repressii protiv poliakov i polskih grajdan [Repressions against Poles and Polish citizens] (M., 1997). [in Russian]

Potapova N.A. «Harbinskaia» operatsiia NKVD SSSR 1937-1938 gg. Mehanizmy, tselevye grúppyy i masshtaby repressii. [“Harbin” operation of the NKVD of the USSR 1937-1938. Mechanisms, target groups and the scale of repression.]. (SPb.: Izdatelstvo Aletena, 2020. 252p.) [in Russian]

Rassledovanie stalinskikh repressii v Taiginskom raione Zapadno Sibirskogo kraia 1920-1953 gg. [Investigation of Stalinist repressions in the Taiginsky district of the West Siberian Territory of 1920-1953]. Available at: <https://myisk.net/2019/09/14/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB-%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8-%D0%BD%D0%BA%D0%B2%D0%B4-%D1%81%D1%81%D1%81%D1%80-%E2%84%96471-%D0%BE%D1%82-4-12-37-%D0%B3-%D0%BF/> (accessed 25.08.2023) [in Russian]

Savin A.I. Etnizatsiia stalinizma? «Natsionalnye» i «kúlatskaia» operatsii NKVD: sravnitelnyy aspekt [Ethnization of Stalinism? “National” and “Kulak” operations of the NKVD: a comparative aspect]. Rossiia. XXI. 3. 40–61(2012). [in Russian]

Stalinizm v sovetskoii provintsii: 1937–1938. Massovaia operatsiia na osnove prikaza № 00447. [Stalinism in the Soviet Province: 1937-1938]. M., ROSSPEN (seriia «Istoriia stalinizma», 2009. [in Russian].

«Cherez trúpy vruga na blago naroda». «Kúlatskaia operatsiia» na Ýkrame. 1937-1938 gg. [“Through the corpses of the enemy for the sake of the people.” “Kulak operation” in Ukraine. 1937-1938] (M., 2010). [in Russian]

Haýstov V., Samýelson L. Stalin, NKVD i repressii 1936–1938 gg. [Stalin, the NKVD and the Repressions of 1936-1938]. (M.: ROSSPEN, Fond pervogo prezidenta Rossii B.N. Eltsina, 2010. 432). [in Russian]

Iynge M., Bordiyógov G., Binner R. Vertikal bolshogo terrora. Istoriia operatsii po prikazy NKVD № 00447. [Vertical of the Great Terror. The history of the operation by order of the NKVD No. 00447.]. (M., 2008). [in Russian]

Сведения об авторах:

Альбина Советовна Жанбосинова – доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Гумилева, Сатпаева 2, Астана, Казахстан.

Наталья Анатольевна Потапова – кандидат исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия.

Zhanbossinova Albina Sovetovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev Str., Astana, Kazakhstan.

Potapova Natalya Anatolyevna – Candidate of Historical Sciences, Institute of History SB RAS, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia.

Copyright: © 2023 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).